

Александр СИРОТИН-ЛАХМАН

БЫЛОЕ

и БЫЛЫЕ

Памятные встречи

Роберт Вацлав Вячеслав
Эли ДеНиро Гавел Шалевич
Зель Генерал Григоренко Максимиллиан
Джонни Рон Ховард Эдвард Коч Шелл
Борис Сичкин
Мов Нил Седака Ванесса Редгрейв Вилли Нельсон
Фрэнк Лаутенберг Ян Френкель Билл
Ашкин Братья Кличко Илья Клинтон
Тарльз Иннокентий Смоктуновский Эренбург Олег Табаков
Шумер Михаил Горбачев Меир Валентин
Роман Карцев Хворостовский Дмитрий Кахане Гафт
Дональд Трамп Рудольф
Александр Ширвиндт Мел Брукс Джулиани
Чарлтон Хестон
Эфраим Эвард Олби Шарль Азнавур
Севела Михаил Державин Мария Шарапова Питер Устино
Ширли Маклейн Андрей Морган Фримен
Андрей Кончаловский Аркадий
Мягков Наталия Ильченко Виктор Пол Стоппард Арканов
Михоэлс Генри Киссинджер
Марсо Партизаны отряда Бельских

АЛЕКСАНДР СИРОТИН-ЛАХМАН

БЫЛОЕ

И БЫЛЫЕ

Памятные встречи

БОСТОН • 2024 • BOSTON

АЛЕКСАНДР СИРОТИН-ЛАХМАН

Былое и былые. Памятные встречи

Редактор Юлия Тимошенко

ALEXANDER SIROTIN-LACHMAN

Bygone And Those From The Past. Memorable Meetings

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2024 by Alexander Sirotin-Lachman

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533500

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Cover Design by Larisa Studinskaya

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the USA

Содержание

Вместо предисловия	7
От автора. <i>Не расстанусь с микрофоном</i>	10
Мир политики.	21
Мир литературы, искусства, спорта	113

Вместо предисловия

Из интервью с Александром Сиротиним-Лахманом, которое взял для Радио «Свобода» филолог, историк литературы, писатель Иван Толстой.

Иван Толстой: Я знаю автора больше тридцати лет — сперва как юмористического рассказчика, затем как коллегу по Радио «Свобода».

Александр, ваш голос очень хорошо известен тем, кто слушает наше радио несколько десятилетий. Я ещё подбавляю немножко, подбрасываю дровишек к этой слушательской памяти, потому что у меня есть такая программа, она идёт пять раз в неделю, называется «Радио Свобода на этой неделе двадцать лет назад», и в программах двадцатилетней давности звучал, в частности, и ваш голос тоже. Кстати, иногда в повторе — более ранние передачи тогда тоже пускались. Так вот, слушатель ещё помнит Яна Рунова по Радио «Свобода». Скажите, пожалуйста, а как Ян Рунов — Александр Сиротин — вообще оказался в Америке, как это произошло и когда?

Александр Сиротин-Лахман: Я родился во время Второй мировой войны, в 1945 году, в Москве, война ещё шла. Моя мать была актрисой Московского еврейского театра ГОСЕТ — Государственного еврейского театра — под руководством Михоэлса. Она с 1934 года была в этом театре, сначала в училище театральном, а затем актрисой театра, довольно успешной, много главных ролей играла. И вся моя жизнь, всё моё детство было связано с театром. Я фактически родился в театре, поскольку она была беременной и продолжала играть. Затем, когда я родился... Как всегда в театре, главный режиссёр, художественный руководитель был бог и царь этого театра, и все к нему шли с разными вопросами. И вот моя мать пошла к нему советоваться, как назвать мальчика, который только что родился. В театре тогда Михоэлс работал над спектаклем, который назывался «Сендер Бланк». Сендер на иди-

ше — Александр. И он сказал: «Пожалуй, Александр, Сендер». Так меня и назвали. По матери я Сиротин, по отцу я Лахман. Я был очень близок с матерью, мы были большими друзьями, и в память о ней я потом уже, более взрослым человеком, поменял свою фамилию Лахман на фамилию Сиротин.

Почему я был Рунов на радио? Потому что, когда я эмигрировал из Советского Союза в 1978 году и приехал в Америку в начале 1979-го, примерно с 1980 года я начал работать на Радио «Свобода», но поскольку отношения между Советским Союзом и Соединёнными Штатами были не очень хорошими, холодная война была в разгаре, я не хотел подводить своих родственников, которые практически все оставались в Советском Союзе, своей фамилией, чтобы у них не было неприятностей. Поэтому я взял имя краткое Ян, фамилию взял Рунов. Когда-то я учился в школе в Москве, и там была девочка с этой фамилией. Мне фамилия понравилась. Не девочка, просто фамилия. С 1980 года я стал диктором на Радио «Свобода», затем стал готовить какие-то программы и впоследствии стал делать новостные программы, которые шли один-два раза в день. Затем, когда появилась программа «Бродвей 1775», Юрий Гендлер, тогдашний руководитель Нью-Йоркского бюро, стал отправлять меня на задания — брать интервью на улице, интервью с разными политиками, актёрами. Так сложилась моя работа. И проработал я на Радио «Свобода» более тридцати лет.

ИТ: Это огромный срок, и он откладывает такой след на всей жизни, на судьбе человека, который приобщается к интереснейшим темам, отчасти управляет немножко историей, потому что расскажешь так или эдак — и это впечатывается в память, в представление твоих слушателей, многие из которых были невыездыми и не могли представить себе, кроме как из радиопередач, кинофильмов, прочитанных книг, как устроен другой мир, который им недоступен. В каком-то смысле вы ещё и такой диск-жокей современной истории. А что вам самому запомнилось из работы на радио? Какие люди, какие темы, какие повороты вашей профессиональной деятельности?

АСЛ: Именно благодаря тому, что я от актёрства со временем отказался, перешёл в режиссуру, из режиссуры — в журналистку, всё это помогло мне встречаться и разговаривать почти на равных с огромным количеством интереснейших людей. Об этом я пишу в книге.

Кстати, в Америке я застал немало свидетелей и участников давних исторических событий, о которых читал ещё в шко-

ле: Первая мировая, Гражданская, Октябрьская — это было для меня почти так же далеко, как история Древнего Рима, и вдруг они тут — участники, живые осколки. Так думал я тогда. А теперь сам осколок прошлого. Как я сейчас собираю те осколки, чтобы, словно археолог, откопавший черепки, соединить их в единый кувшин и дать представление о когда-тошней жизни — так, надеюсь, когда-нибудь новый археолог откопает вот эти мои заметки и склеит мозаику в картинку жизни моего поколения.

От автора

Не расстанусь с микрофоном...

Я почти семьдесят лет не расстаюсь с микрофоном. С раннего детства, когда в Советском Союзе ещё не было массового телевидения, я не мог оторваться от радиоприёмника, знал всех дикторов по именам и фамилиям, различал по голосам актёров, а в тринадцать лет в Москве впервые сам вышел к микрофону, участвуя в концертах Студии художественного слова при Доме культуры медицинских работников, благо дом этот находился недалеко — на улице Герцена. А я жил рядом, на улице Станкевича.

В школе на улице Станиславского я был диктором школьного радио. Именно тогда, в 1958 году, впервые прозвучали слова: «У микрофона Александр Лахман».

...Потом были театральная студия при Московском театре имени Станиславского, Театральное училище имени Щукина, работа в театре актёром, затем режиссёром, первые журналистские очерки на московском радио, сатирические монологи в московских газетах, пьесы-сказки для новогодних спектаклей... И юмористические рассказы «в стол», изданные позднее в Америке отдельной книгой. Не расставался я и с микрофоном, ведя от Московской филармонии концерты мастеров искусств в Колонном Зале Дома Союзов, в Консерватории, в разных концертных залах и в Домах творчества.

Эмигрировав в 1978 году, я публиковал в газете «Новое русское слово» еженедельный фельетон из жизни иммиграции под фамилией своей матери — Сиротин. В 1980 году любавичская организация «ХАМА» открыла первое в Нью-Йорке на русском языке ежедневное новостное радио «Горизонт», и я, выступавший на радио под фамилией Лахман, стал его первым и единственным автором и ведущим. Это радио просуществовало почти десять лет. Потом я стал одним из ведущих сотрудников радио *WMNB*. В Америке конца двадцатого — первой четверти двадцать первого века зрители телекомпаний *RTN*, *RTVI*, *NTV* знали меня как ав-

тора и ведущего репортажей для программы вечерних новостей, а читатели — как постоянного автора журнала «Чайка» Александра Сиротина, публиковавшегося также в разных нью-йоркских газетах. В печати я был Сиротин, а на радио и телевидении — Лахман. А ещё — Ян Рунов: под этим псевдонимом я работал на Радио «Свобода» с 1980-го по 2013 год. Мой голос был знаком нескольким поколениям слушателей Радио «Свобода» в бывшем Советском Союзе, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Почти тридцать лет звучало в радиоэфире: «Ян Рунов. Радио „Свобода“. Нью-Йорк». И почти пятьдесят лет звучало в Америке на русскоязычных радио и телевидении: «У микрофона Александр Лахман». Если к этому прибавить двадцать лет с микрофоном в Москве — на радио, на телевидении, на эстраде, то получится семьдесят. И все семьдесят — с микрофоном.

Я давно заметил одну интересную особенность микрофона: он не терпит фальши. Микрофон действует, как увеличительное стекло, делая фальшивые, лживые, пафосные ноты ещё слышнее, ещё выпуклее. Поэтому, пользуясь микрофоном, лучше не врать.

Почти семьдесят лет я не расстаюсь с микрофоном. Мне это нравится. Надеюсь, моим зрителям и слушателям — тоже. Так и хочется спеть: «Не расстанусь с микрофоном! Буду вечно молодым!»

Я, микрофон и...

▲ Президент Билл Клинтон

◀ Сенатор Чарльз Шумер

Спикер Палаты представителей
Том Фоли ▶

◀ Тележурналист
Барбара Уолтерс

Тележурналист
Ларри Кинг ▶

◀ Скрипач
Айзек Стерн

◀ Певец и композитор
Билли Джоэл

Певец
Тони
Беннет ▶

◀ Певец и композитор
Джонни Кэш

◀ Актриса и певица
Лайза Минелли

Актёр
Джейсон
Робардс ▶

◀ Актёр
Аль Пачино

◀ Актёр
и продюсер
Майкл Дуглас

Актёр
Чарлтон
Хестон ▶

◀ Актриса
Вупи
Голдберг

Актёры
Тони Рэндалл
и Джек Клагмен ►

◀ Актёр
Стивен
Болдуин

Актёр
Джерри
Орбах ►

▲ Актриса,
руководитель Института театра и кино Ли Страсберга
Анна Страсберг

▲ Поэт-песенник и композитор Алан Бергман

Людей неинтересных в мире нет

Евгений Евтушенко

Мир политики

Михаил Горбачёв	23
Пётр Григоренко	32
Рудольф Джулиани	40
Олег Калугин	43
Меир Кахане	45
Джин Киркпатрик	50
Генри Киссинджер и Ньют Гингрич	54
Билл Клинтон	60
Виталий Кличко	64
Альфред Кох	66
Эдвард Коч	69
Фрэнк Лаутенберг	74
Кёртис Слива	77
Дональд Трамп	90
Чарльз Шумер и Альфонс Д'Амато	100
Памятные встречи в Университете Хофстра	106

Михаил Горбачёв в Иешиве

Пусть название главы не введёт вас в заблуждение: Михаил Сергеевич не стал на старости лет иешива-бохером, то есть студентом еврейского учебного заведения. Речь о другом. После распада Советского Союза Горбачёв прилетел уже в качестве бывшего президента бывшего СССР в Нью-Йорк, где его ждала специальная награда нью-йоркского университета Иешива за особые заслуги перед демократией и за борьбу против антисемитизма. Премия имени Бенджамина Кардозо вручалась тогда впервые. К награде был приложен следующий текст:

«Мало кому удалось обессмертить себя изменением курса истории без ужасов и насилия. Михаил Сергеевич Горбачёв — один из таких немногих. Он подверг риску свою карьеру, репутацию, свободу и даже жизнь, чтобы демократия пришла в республики бывшего Советского Союза. Благодаря ему „гласность“ и „перестройка“ вошли в международный политический словарь. Он содействовал окончанию холодной войны, которая высасывала жизненные и творческие силы миллионов людей. Он раздвинул „железный занавес“ и способствовал сокращению ядерных вооружений. Для еврейского народа он останется человеком, раскрывшим ворота Советского Союза и позволившим сотням тысяч евреев выехать в Израиль. За идеи и идеалы, за вклад в победу демократии над тиранией университет Иешива представляет к первой награде имени Бенджамина Кардозо Его Превосходительство Михаила Сергеевича Горбачёва».

Вручал награду президент университета Норман Ламм. Потом состоялась пресс-конференция. В небольшом зале на тридцать-сорок репортёров было не менее десятка сотрудников службы безопасности. При входе у каждого тщательно проверяли документы, осматривали сумки, портфели, магнитофоны и съёмочную аппаратуру. При этом сотрудники охраны (все в штатском) постоянно вели переговоры по рации. Впрочем, вооружены они были не только радиопередатчиками и наушниками... Когда я попытался ещё до появления Горбачёва подойти к трибуне, чтобы

пристроить поближе мой микрофон и подтянуть к нему магнитофон, ко мне подскочил рыжий коренастый парень и тихо предупредил, что если я ещё раз зайду за перегородку, то мне сделают очень неприятно...

...Первый ряд был зарезервирован для Раисы Максимовны Горбачёвой и других почётных гостей. Горбачёв выглядел прекрасно: отдохнувший, похудевший, в великолепном сером костюме. При особенно широкой улыбке, расточаемой во все стороны, золотая коронка из правого нижнего ряда зубов поблёскивала отражением направленной на сцену яркой съёмочной лампы. Этот свежевыбритый, выспавшийся, опрятный человек был полной противоположностью тому, в кофте, которого люди видели на телеэкранах по его возвращении из Фороса.

Раиса Максимовна явилась в скромненьком костюме в сопровождении двух леди: одна — переводчица, а другая, функция которой осталась для меня загадкой, была почему-то в длинном вечернем платье с большим декольте.

Когда Горбачёв, получив награду, стал говорить что-то вежливое в ответ, фоторепортёры бросились к нему, толкаясь и переругиваясь, и заслонили Михаила Сергеевича от перворядцев во главе с бывшей Первой леди бывшего СССР. Раиса Максимовна сделала ручкой жест, пытаясь раздвинуть непочтительных журналистов, чтобы ей было видно супруга, и громко прошептала:

— Тише, тише, дайте же послушать Михаила Сергеевича! Пожалуйста, тише, Михаил Сергеевич говорит!

На что российский журналист — корреспондент «Московских новостей» — зло произнёс:

— Ещё не наслушалась?!

Вслед за медалью Горбачёв получил ещё один подарок: собственный портрет в

Раиса Горбачёва

яркие красные тона работы американского художника Питера Макса.

Во время пресс-конференции журналисты успели задать всего три вопроса, не получив ни на один из них прямого и чёткого ответа. Впрочем, судите сами.

Корреспондент газеты «Джуиш пресс»:

— *Что вы можете сказать о росте антисемитизма в вашей стране?*

Горбачёв:

— Ну, если такие общие вопросы будут задавать, то мы рискуем вести продолжительную дискуссию. Я на этот вопрос сегодня отвечал дважды, в том числе на встрече с сотрудниками... э-э... религиозных еврейских организаций. Сегодня защита демократии и реформ в России — это то, что необходимо, чтобы учредить права человека, к какой бы национальности он ни принадлежал. Расчленение страны очень подстегнуло национализм, сепаратизм и усилило межнациональные конфликты. И не только эти проблемы. Поэтому сегодня самое главное — это защита демократии в России, продолжение демократических реформ.

Я на той пресс-конференции представлял русско-американскую телекомпанию RTN:

— *Как, по-вашему, — спросил я, — антисемитизм был единственной причиной отъезда евреев? И что вы думаете о еврейских эмигрантах?*

Горбачёв:

— Если говорить в историческом плане, то были такие периоды, когда всплески антисемитизма были. Я вспоминаю свои студенческие годы, 1952 год, когда обвиняли безо всяких оснований целые народы. Я свидетель того, как в условиях гласности и демократии эта проблема чужда. И она часто обсуждалась. Я имею основания утверждать, что общество не больно эпидемически этой болезнью — антисемитизмом. Что же касается причин отъезда из страны, э-э-э, представителей еврейской нации, то, мне кажется, здесь однозначно есть стремление организовать свои национальные чувства, вернуться в свою землю, объединиться с родственниками. Мы сняли ограничения с этого законодательства, и есть возможность решать вопрос о выезде.

(Здесь сохранены обороты речи Горбачёва.)

Михаил Горбачёв

И третий, последний вопрос, который задала наш продюсер Раиса Чернина:

— *Вас обвиняют во многих ошибках. А вы сами какую из своих ошибок считаете наиболее серьёзной?*

Горбачёв:

— Это обычная судьба реформатора в любой стране: в нашей, в вашей, в любой. Если в стране происходят подлинно кардинальные реформы, то они всегда сопровождаются переходом к новым формам жизни и отвечают одним интересам, и подрывают и наносят удар по другим интересам, в данном случае затрагивают интересы правящего слоя в условиях коммунистического режима, тоталитарного режима. Естественно, все эти люди, которых задевает демократия и которые должны сегодня занять реально на основе доверия или недоверия им своё место в жизни, я думаю, эти люди, победившие и получившие признание, они поддерживают, а другие недовольны. То, что со стороны одних воспринимается как ошибка, другие расценивают как успехи перестройки. Я в своей книге всё объясняю.

...Горбачёв удалился в другой зал, где уже были накрыты столы. За право побывать на обеде с последним президентом СССР именитые ньюйоркцы платили суммы, исчисляемые четырёх- и пятизначными цифрами.

Дверь за Горбачёвым и его свитой ещё не успела закрыться, как корреспонденты бросились к появившемуся вдруг артисту-сатирику Джеки Мейсону, который достаточно громко произнёс:

— Я всю жизнь борюсь с антисемитизмом, но мне за это премию почему-то не дали! Ни медали, ни портрета, ни Нобелевской премии. Ну и где справедливость?!

Женщины Михаила Горбачёва

В 2006 году международная организация «Всемирные премии» впервые провела церемонию награды выдающихся женщин года не в Европе, а в Америке. Для этого был выбран Нью-Йорк, манхэттенский театральнo-концертно-танцевальный зал «Хаммерстайн балрум».

По красной ковровой дорожке, покрывшей тротуар, сквозь строй фото- и телекорреспондентов из разных стран мира шли нарядные именитые гости. Одним из основателей организации является её президент, лауреат Нобелевской премии мира, быв-

ший президент бывшего Советского Союза Михаил Горбачёв. Поэтому многие из тех, кто попал в число награждённых и кто был приглашён для участия в концерте, говорили о Горбачёве.

Первым, кто назвал бывшего Генсека ЦК КПСС, ставшего затем первым и последним президентом СССР, выдающейся, исторической личностью, был ведущий популярной телепередачи общественного телевидения «Театральная студия» Джеймс Липтон. Он сказал, что Горбачёв помог Рейгану, Тэтчер и Папе Римскому Иоанну-Павлу Второму разрушить старую систему социалистического лагеря, в которую было против воли заключено полмира. Мистер Липтон высоко отозвался также о русской театральной культуре, о Станиславском, учеником и наследником которого считает себя американский драматический театр:

— Мы, американские актёры — внуки и правнуки Станиславского, — легко воспринимаем чужие новации, а затем глубоко чтим их и превращаем в свои традиции. В отличие от России, которая, как мне кажется, богата своими талантами, но легко отдаёт их другим, легко отказывается от своих традиций, разрушает, думая, что на пустом месте легче строить новое. Но это не всегда так.

Нью-йоркские пожарные пришли поздравить одну из лауреатов премии «Женщина года», врача Робин Херберт из нью-йоркского медицинского центра «Гора Синай». Она стала инициатором исследования и лечения болезней пожарных, полицейских, санитаров и всех тех, кто пытался помочь жертвам теракта во Всемирном Торговом Центре, а затем расчищал участок в поисках останков погибших. Более половины из сорока тысяч таких работников, как выяснилось, нуждаются в медицинской помощи. Сама доктор Херберт вместе со своими ассистентами осмотрела более шестнадцати тысяч человек из этой группы. Семьдесят процентов из них страдают респираторными, в том числе лёгочными заболеваниями. Многие потеряли работоспособность. Поблагодарить врача за помощь пришли те пожарные, кто выжили во время теракта.

Певица Чака Хан призналась мне, что влюблена в Михаила Горбачёва:

— Он очень интересный человек, представительный внешне и значительный как личность. Петать в его присутствии — и честь, и удовольствие. Он может оценить настоящую женскую красоту, женский талант...

Если доктор Робин Херберт получила премию как «Женщина года», то Шана Дэйл стала лауреатом премии «За особые дости-

жения». Она — заместитель директора Национального космического агентства НАСА, первая женщина на столь высоком посту в управлении американских космических программ:

— Мы высоко ценим сотрудничество с Россией в области космических исследований и партнёрство в строительстве Международной космической станции. Я думаю, все мы сможем достигнуть больших успехов, работая вместе. Сейчас время не только глобализации торговли и промышленности, но и глобализации освоения космоса. Прошло время, когда мы соревновались друг с другом, кто первый облетит вокруг Земли, кто первый полетит на Луну... Теперь мы должны не догонять и перегонять друг друга, а помогать друг другу в освоении Марса и других планет Солнечной системы.

Певица Хезер Шмид в разговоре со мной попыталась вспомнить что-нибудь по-русски и сказала:

— Лублю тебя, — затем решила не мучиться и перешла на английский. — Мне очень близка женская тема. Свой новый вокальный альбом я назвала «Богини остаются». В основном мои песни выражают женские чувства, женскую силу, если хотите, но адресованы они не только женщинам, естественно. Я хочу, чтобы мужчины лучше понимали нас. Вот Михаил Горбачёв понимает, потому и создал международную награду выдающимся женщинам года.

...Вслед за киноактёром Кайлом МакЛакланом появилась Стелла Дитджен, получившая «Премия Надежды» за самоотверженную помощь в Индии детям-сиротам и детям, больным проказой:

— Я хочу, чтобы меня услышало как можно больше людей во всём мире. Наша работа идёт успешно, однако нам нужна помощь. И свою награду я рассматриваю как возможность быть услышанной. Бедные, одинокие, брошенные и забытые дети нуждаются в заботе и в медицинском уходе. Это не так уж дорого стоит. И проказа излечима теперь. Всего пятьдесят долларов могут помочь изменить судьбу несчастных детей. Я принимаю свою награду не для себя, а для них.

Киноактриса Сюзен Сарандон тоже в числе награждённых. Она получила премию за вклад в американский и мировой кинематограф и за активность в решении социальных и гуманитарных проблем.

Не обижается ли она на то, что профессиональные политики, политические комментаторы часто с иронией относятся к её политическим высказываниям, к её участию в либеральном движении?

— Мне нет до них дела, и мне всё равно, что они обо мне думают. Всегда были актёры, которые занимались политикой. Вспомните хотя бы Рейгана, который сумел обаять Горбачёва и добиться соглашений с ним. Мужчины также не должны забывать, что политика — это не их прерогатива и что женщины составляют половину человечества. А я лично считаю, что лучшую половину. У каждого мужчины есть или была мать. Вот с чего надо начинать.

Актриса Тери Хэтчер, лауреат премии 2005 года, вела церемонию награждения вместе с Горбачёвым. Она только о нём и говорила:

— Я думаю, он наиболее сердечный, харизматичный, умный человек. Встреча с ним запоминается надолго. И он очень благороден. Понятно, что именно такой человек мог пойти на риск, чтобы изменить мир.

Среди двенадцати новых лауреатов разных женских премий 2006 года была топ-модель из Германии Клаудиа Шифер, которая служит для многих женщин мира образцом стиля и класса.

Наконец вот и сам Горбачёв:

— Очень важно и не так просто найти своё место в нынешнем трудном мире, сделать что-то для других, что интересно и самому себе. Практически все сегодняшние лауреаты — женщины-альтруистки, которые сначала думают о других, а уже потом о себе. Таких людей надо приветствовать и отмечать. Пусть они будут примером для всех. Я регулярно вручаю награды и мужчинам, но больше получаю удовольствие, когда награждаю женщин. Я же мужчина всё-таки, — он рассмеялся, а потом сразу серьёзно: — Во всяком случае, когда я это делаю, я всегда думаю о Раисе Максимовне. Мне повезло в жизни с женщинами: у меня была прекрасная мать, потом жена, вот теперь со мной дочь Ирина. И у меня есть любимая внучка.

Дочь добавляет:

— Это очень хороший день для нас. Очень хороший.

Генеральный менеджер-директор всего мероприятия от главного спонсора — международной инвестиционной группы «Суперфонд» — Дерен Смит:

— Это особое событие, во главе которого стоит Михаил Горбачёв и в котором участвуют выдающиеся женщины. Они, каждая по-своему, пытаются сделать мир лучше. Как сказал основатель «Суперфонда» Кристиан Баха, «Всемирные премии» для женщин стоят среди самых престижных наград планеты. И мы рады продвигать эту уникальную международную премию.

Он рассказал, что «Суперфонд» обслуживает около пятидесяти тысяч инвесторов в шестнадцати странах мира, включая США, Японию, страны Западной и Центральной Европы.

Солисты популярной мужской вокальной группы «Иль-Диво» из Испании говорят:

— Хотя в составе нашей группы женщин нет, мы всегда видим, или чувствуем, или подразумеваем их присутствие. Для них и поём, чтобы завоевать их сердца. Когда мы думаем о них, наш голос становится крепче, богаче, сексуальнее, мужественнее.

В зал спешно провели киноактрису Люси Лю, которая получила награду за благотворительность. Хотя в кино она часто играет роли суперженщин, владеющих разными видами боевых искусств, в жизни она совсем другой человек. Люси Лю — посланник доброй воли ЮНИСЕФ. Она много делает для помощи детям и жертвам стихийных бедствий.

Лауреат премии в категории выдающихся спортсменок — теннисистка Билли-Джин Кинг. Она стала первой наиболее успешной женщиной в этом виде спорта. Именно она открыла путь женщинам в большой теннис:

— Сегодняшняя встреча с Горбачёвым очень значима для меня.

Знаменитая певица Глория Эстефан — гостья вечера. А актриса Вупи Голдберг — ещё один лауреат премии. Она продемонстрировала нам, как выглядит сама награда, которая изготовлена германской фирмой «Йошка-Крыстал»:

— Это хрустальная статуэтка с рисунком ручной работы, высотой 45 сантиметров и весом два с половиной килограмма, изображающая женщину, в руках которой — земной шар.

В комнате для прессы участницы вечера опять говорили о Горбачёве. Такое впечатление, что это был не их, а его вечер. Странно, что, в отличие от России, на Западе популярность Горбачёва с годами не только не уменьшается, но растёт. Запад оценивает его роль в мировой истории со знаком плюс. Россия — в истории своей страны — со знаком минус...

Когда в 2006 году Михаилу Горбачёву исполнилось 75 лет, я взял по этому поводу интервью у американского историка Ричарда Пайпса.

Некоторые американские историки признали, что раньше ошибались в своих оценках последнего генерального секретаря КПСС и первого и последнего президента Советского Союза.

В частности, свою ошибку признал такой американский специалист по истории России и Советского Союза, как Ричард Пайпс:

— Михаил Горбачёв действительно очень важная личность для истории не только России, но вообще истории. Я должен сказать, что я вначале очень скептически относился к нему и написал довольно негативную рецензию на его книгу «Перестройка», потому что я не доверял ему, я думал, что это всё то же самое, что Хрущёв говорил и другие говорили. Пошли уже большие перемены, но действительно — перемены были. И это человек, который действительно... Он — не Ельцин. Он сделал то, что распался коммунизм в России и в Европе, и началась новая эпоха в истории Запада. Знаю, что, по опросам общественного мнения, примерно семьдесят процентов россиян жалеют об исчезновении Советского Союза. Я писал об этом в статьях и выпустил книгу под названием «Русский консерватизм». Россияне ассоциируют демократию с хаосом, преступностью и тому подобным. Они хотят иметь сильное государство, которое, по их мнению, возможно только при автократии. К сожалению. Теперь о более поздней деятельности Горбачёва. В Турине в 2005 году я присутствовал на конференции, организованной Фондом Горбачёва. Конференция проходила под рубрикой «20 лет, которые изменили мир» и была посвящена двадцатилетию избрания Горбачёва главой того государства, которого больше нет. Горбачёв был и оставался очень активным. Он был уверен в том, что все его прошлые действия были правильными, что перестройка была необходима Советскому Союзу и будет необходима в будущем многим государствам, в том числе и Соединённым Штатам. Я не знаю, что он имел в виду, и у нас в Турине не было времени обсуждать это. Горбачёв выглядел на конференции очень уверенным в себе. Он думал о себе не в прошлом, а в будущем времени. Он был убеждён, что история оценит его по достоинству, и что он работал и продолжает работать на будущее, а прошлое надо отдать историкам. Такое у меня сложилось о нём впечатление.

— *Если бы Горбачёв пригласил вас на свой день рождения, что бы вы ему сказали в этот день?*

— Я бы поздравил его и повторил то, что сказал ему когда-то в Гарвардском университете: «Я был неправ, когда написал весьма критическую рецензию на вашу книгу. Я вам не верил тогда. Но вы многого достигли». Россияне в большинстве не любят Горбачёва, он не популярен у себя на родине. Что ж, россиянам ещё надо учиться ценить свободу и демократию.

Мир литературы, искусства, спорта

Мюррей Абрахам	115	Роман Карцев	
Стелла Адлер	125	и Виктор Ильченко	198
Шарль Азнавур	127	Олег Кассини	203
Дэнни Айелло	131	Братья Кличко	211
Нина Ананишвили	135	Иосиф Кобзон	217
Аркадий Арканов	138	Этель Ковенская	244
Лола Астанова	149	Андрей Кончаловский	
Джей Бейлис,		и Юлия Высоцкая	226
внук Менделя Бейлиса	152	Константин Кузьминский	242
Сергей Бодров	156	Джонни Кэш	244
Ирина Бриннер	158	Юрий Любимов	249
Мел Брукс	163	Эл Льюис	267
Гелена Великанова	165	Ширли Маклейн	273
Олег Видов	173	Барбара Мандрелл	279
Резо Габриадзе	174	Нино Манфреди	284
Александр Галин	176	Марсель Марсо	291
Роберт Де Ниро	180	Денис Мацуев	307
Сергей Довлатов	183	Белла Мейер,	
Андрей Звягинцев	185	внучка Марка Шагала	310
Александр Калягин		Джеки Мейсон	314
и Елена Камбурова	190	Наталья Михоэлс	332
Ида и Рут Каминские	192	Соня Мур	339

Андрей Мягков		Театр «Современник»	
и Анастасия Вознесенская . . .	343	и его актёры	455
Набоковы	350	Наталья Солженицына	464
Вилли Нельсон	356	Род Стайгер	466
Анна Нетребко	362	Пол Стюппард и Вацлав Гавел . .	487
Эдвард Олби	368	Олег Табаков	491
Алан Пакула	370	Дэйв Таррас	510
Партизаны отряда Бельских . . .	372	Хаим Тополь	513
Светлана Паршина		Питер Устинов	518
о Светлане Сталиной	377	Ян Френкель	525
Олег Погудин	381	Конни Френсис	537
Эдвард Радзинский	383	Морган Фримен	544
Ванесса Редгрейв	385	Дмитрий Хворостовский	547
Доктор Рут, сексотерапевт	398	Чарлтон Хестон	549
Татьяна Самойлова	406	Рон Ховард	552
Дэвид Саттер	409	Вячеслав Шалевич	557
Эфраим Севела	412	Мария Шарапова	563
Нил Седака и Эли Визель	426	Максимиллиан Шелл	565
Борис Сичкин	430	Ширвиндт, Державин, Гафт	573
Анатолий Смелянский	446	Илья Эренбург	581
Иннокентий Смоктуновский	448	Валентин Юдашкин	585

Мюррей Абрахам

С актёром Мюрреем Абрахамом я был знаком давно. Первая встреча была односторонней: я увидел его на экране в кинофильме Милоша Формана «Амадеус». Он был награждён премией «Оскар» за роль Сальери. Потом я видел его работы и в кино, и в театре. Много раз мы беседовали о его ролях. Он очень талантливый и одновременно очень скромный человек, для которого актёрская профессия — главное в жизни, важнее наград. Моё первое с ним интервью было включено архивариусом Радио «Свобода» Иваном Толстым в число наиболее интересных радио-передач.

Свои передачи на Радио «Свобода» я вёл под псевдонимом Ян Рунов.

— Ветреной ночью 1823 года какой-то сумасшедший старик прокричал из окна своего дома в Вене: «Моцарт, прости твоего убийцу! Каюсь! Я убил тебя, Моцарт!» А мгновением позже он попытался покончить с собой. Таковы первые кадры фильма, сопровождаемые музыкой Вольфганга Амадея Моцарта, его 25-й симфонией, написанной, когда ему было семнадцать лет. А дальше Сальери исповедуется молодому священнику, и весь фильм — это исповедь старика.

Мюррей Абрахам жил в Бруклине даже после того, как получил премию «Оскар» за исполнение роли Сальери в фильме режиссёра Милоша Формана «Амадеус». Статуэтку «Оскара» он унёс в продовольственном пластиковом мешочке. Он не хочет уезжать из Нью-Йорка, продолжает пользоваться общественным транспортом, лишь недавно переехал из Бруклина в Манхэттен. Я увидел его новую работу в репертуарном театре на Четырнадцатой улице в пьесе Дэвида Манетта «Жизнь в театре». В центре внимания этой пьесы для двоих исполнителей отношения между стареющим, живущим былой славой, актёром и актёром молодым.

«Я думаю, Маннет — один из наших лучших драматургов. Я получаю огромное удовольствие от его пьес», — сказал мне Мюррей Абрахам, когда после спектакля я попросил его об интервью.

Мюррей Абрахам и Александр Сиротин-Лакман

Абрахам зовёт себя Мюрреем, хотя его имя, которое он не очень-то любит, — Фахрит. Это имя дал ему отец-сириец. Мать же родом из итальянской провинции Калабрия. Сам Мюррей родился в Техасе, а в Нью-Йорке живёт с тех давних пор, когда проезд в сабвее стоил всего двадцать пять центов. Мюррей Абрахам снимался и в России, в экранизации романа Шолохова «Тихий Дон», заказанной итальянским телевидением. Столько лет прошло, а он всё время об этом вспоминает. Кстати, в России же, во время съёмок, он и его жена Кэтрин, которую он с тех пор иногда зовёт на русский манер Катэрына, отметили тридцатилетие своего брака. Мюррей любит Бруклин, где он жил на Истерн-парквей все те годы, что пробивался к славе. Там росли его дети. Их двое. Когда не было ролей, Мюррей брался за любую работу: был грузчиком в компании по перевозке мебели, был официантом (это обычная профессия американского актёра во время простоя в ожидании роли), играл Санта-Клауса в магазине «Мейсис» в период рождественской распродажи. Таков был его дебют в Нью-Йорке. Потом снялся в нескольких телерекламах, не отказывался ни от каких появлений на сцене или на экране — только бы заметили! И вот — заметили! Сыграв Сальери в фильме «Амадеус», он в пятьдесят три года обрёл мировую известность. Мы встретились возле его дома в манхэттенском районе Гринвидж Виллидж.

Было утро, Мюррей ещё не завтракал, мы зашли в кафе. Сначала я справился о здоровье его жены. С неё и началась наша беседа.

— Мы встретились в Лос-Анджелесе и полюбили друг друга.

— *Она актриса?*

— Нет. Столько лет прошло. Мы женаты уже более тридцати лет. (Вынув из кармана часы с крышкой:) Это часы её отца. Я не знал его, он умер, когда ей было всего три года. Долгие годы часы лежали в ящике, теперь я их ношу. И как-то вдруг мне захотелось узнать побольше об их первом владельце. Он получил часы в подарок от кинокомпании «Метро Голдвин Майер», «Эм-Джи-Эм». Он был киноредактором, первым президентом Профсоюза киноредакторов в этой стране. Как я уже сказал, он умер очень давно, и я не знал его, но во мне вдруг возникло желание найти связь с прошлым, у меня появилась ностальгия по тому миру, частью которого был этот человек. Тот мир, мир «Эм-Джи-Эм», был очень семейным. Вы знаете об этом? Существовал клуб «Эм-Джи-Эм», у компании была великолепная репутация, выпускалось много отличных фильмов, и сотрудники очень гордились принадлежностью к этой киностудии, самой лучшей в Америке. Иногда там работали круглосуточно. Они стремились выпускать новую картину каждую неделю. За один 1939 год было сделано сорок восемь фильмов — почти еженедельно по фильму. Но количество не отражалось на качестве, ведь именно тогда выпускались великие картины, такие как «Унесённые ветром». Тогда люди были привязаны к месту работы и с гордостью говорили: «Я — из „Эм-Джи-Эм“» или «Я — из „Уорнер Бразерз“». И работали в этих компаниях по много лет. Теперь же — у кого больше денег, тот тебя и покупает, как проститутку. Я не осуждаю проституток, рядом с которыми я рос на границе с Мексикой. Проститутка по крайней мере честна, потому что не выдаёт себя за кого-то другого, всем своим видом она показывает: я — проститутка, и не претендует ни на что другое, в отличие от тех, кто, например, не будучи артистом, хочет им казаться. Когда я приезжаю в Лос-Анджелес, я там всегда себя чувствую великолепно. Я вообще люблю ездить. Мы, актёры, — путешественники, это часть нашей работы. Я люблю приезжать в Лос-Анджелес, но жить там трудно, потому что мне, например, нравится наблюдать жизнь за пределами моей квартиры, это как раз то, что отличает Нью-Йорк. Здесь, если хочешь пройтись, идёшь в магазин, идёшь в кино, здесь не нужно для этого садиться в машину и ехать сорок минут. В Нью-Йорке веселее. Может, это глупо

звучит. Разве можно не любить ездить в собственной машине? Но я чувствую себя изолированно в автомобиле. А в Лос-Анджелесе вся жизнь в автомобиле. Это специфика города, ты без машины никуда не попадёшь, она становится неотъемлемой частью твоей жизни, и ты вынужден привыкать к изолированности, к одиночеству: закрываешь окна, включаешь кондиционер, радио — и весь твой мир уместается в салоне твоего автомобиля. Мне такая жизнь не нравится, моя жизнь — среди людей, в Нью-Йорке.

— *Нью-Йорк тоже теперь другой, здесь не всюду погуляешь.*

— Вы правы, это теперь опасный город, поэтому роль театра возросла. Где ещё можно наслаждаться общением? Не в кино, где опасно, и ты опять сам по себе, если только тебе не мешают соседи, ни у телевизора, где ты вновь изолирован, только в театре. Особенно в небольшом театре, где люди видят друг друга. Таких театров теперь очень мало.

— *Вернёмся к вашей личной жизни. Вы сказали, что прожили с женой больше тридцати лет. Мне это трудно понять. Как она может мучиться с актёром столько лет, и как вы, голливудский и бродвейский актёр, остаётесь верным одной женщине все эти годы? Каким образом вам удаётся решать ваши семейные конфликты?*

— Всё объясняется очень просто — мне с ней повезло.

— *Вы что, так хорошо понимаете друг друга?*

— Не всегда, не совсем. Она — хороший дипломат, я — нет. Я по природе своей похож на русских — легко взрываюсь. Наверное, поэтому я так хорошо понимаю Чехова, у меня очень горячий темперамент. А русские на меня реагируют спокойно — это нормально, это пройдёт. И моя жена это тоже понимает, она очень спокойная, очень удобная жена. И ещё я, как актёр, много разъезжаю, и мы не всё время вместе, это тоже одна из причин стабильности нашего брака.

— *Как случилось, что вас выбрали на роль Пантелея в новой версии «Тихого Дона»?*

— Я, право, не знаю. Русские начинали работу над фильмом в Италии, а я очень много снимаюсь в этой стране, не менее раза в году, и, видимо, люди, набравшие актёров, порекомендовали меня. Думаю, Бондарчук, режиссёр фильма, видел меня на экране. И мы заключили контракт.

— *Как вам было в станице Вешенской? Где вы жили, где ели?*

— Разница между Москвой и Вешенской такая же, как везде между городом и деревней. Люди там, в Вешенской, очень неза-

висимые, они даже ходят иначе, чем люди в Москве, чувствуется, что казаки ступают по своей земле. Жил я в частном доме, хозяйева были очень заботливы, всегда справлялись, не голоден ли я, не хочу ли позавтракать с ними. Вечерами владелец дома, а тогда было очень холодно, выходил полуголый во двор, обливался ледяной водой и кричал мне: «Давай тоже! Эх, хорошо! Come! Come! Come! This is good, good, good!» А я ему кричал: «No! No! No! No!» И утром — то же самое. И он не один такой, многие так делали — местная традиция.

Мюррей Абрахам в фильме «Тихий Дон»

— *Встретился ли вам на улице прототип вашего героя?*

— Я нашёл много прототипов. Кстати, очень часто местные жители, зная, что я играю Пантелея, завидя меня, начинали хромать. Некоторые бородатые старики в казацких шапках, с костылём были очень похожи на то, каким я себе представлял Пантелея — они были очень сильны физически. Бондарчук тоже был очень сильным человеком, твёрдым, как этот стол, за которым мы сидим. И не только физически — он знал, чего хочет.

— *Легко ли было с ним работать?*

— Мне? Да. Он тоже был очень горяч, он хотел, чтобы всё было так, как он хочет. Но со мной и с некоторыми другими актёрами он был очень добр, даже щедр. Мы с ним тогда сработались.

— *Могли бы вы сравнить его с кем-либо из американских режиссёров?*

— Думаю, что он по складу ума, по методу работы был ближе к Востоку, чем к Западу. Я бы сравнил его скорее с великим япон-

цем Куросавой. Бондарчук приходил на съёмочную площадку абсолютным хозяином. В Японии Куросаву киношники зовут драконом, в России Бондарчука можно было бы назвать медведем. Я не хотел бы применить слово «диктатор», но оно больше всего соответствует истине. Для меня лично он был добрым диктатором. Его жена, Ирина Скобцева, играла мою жену, мать Григория, а дочь, Наталья Бондарчук, играла Наталью. Она потрясающе сыграла сцену смерти. Вообще я ни про кого не говорю ничего плохого, это моё правило. Если я не могу сказать о человеке что-то хорошее, я о нём лучше вообще ничего не скажу. Но я думаю, что очень трудно делать фильм с членами своей семьи, потому что после съёмочного дня надо вернуться домой и жить вместе, а я считаю, что работа — это одно, а дом и семья — другое. В Америке наш фильм практически неизвестен, он был рассчитан на европейцев, а дублирование — вещь трудная. К тому же в Америке не любят дублированные картины. Это привело нас к культурной изоляции в области кино и театра. Почему бы, например, не быть постоянному чеховскому театру в Нью-Йорке мест на двести-триста? Я бы играл там с большим удовольствием.

— *Что вы ели в Вешенской? Что-нибудь непривычное для вас?*

— Да, но не знаю, как описать. Хозяйка угощала меня чем-то вроде желе...

— *А-а-а! Холодец!*

— Это было потрясающе вкусно! Из свиных ножек. У них были свои свиньи, свои куры и очень свежие, ещё тёплые яйца. У них не было проблем с едой, всё своё. Они там, повторяю, ни от кого не зависят и выглядят гораздо здоровее москвичей. В их жизни больше физических нагрузок, и качество продуктов питания намного лучше — всё выращивают сами. И ещё я люблю красивых женщин, вообще женщин. Для меня почти все они прекрасны. Но там, в Вешенской, были такие, каких я не видел за всю мою жизнь. Думаю, красоту им придаёт ещё их открытость, дружелюбность. Женщины там гораздо проще, чем мужчины. Впрочем, мужчины только поначалу замкнуты. Одна русская женщина рассказала, что там люди очень радушны по отношению к гостям, особенно иностранным, но по отношению друг к другу довольно холодны. Я принимаю эти слова на веру, но такое трудно понять.

— *Вы пили там водку?*

— Пытался. Но пить так, как они — невозможно. Я не могу выпить стакан водки и запить кружкой пива. Попробовал и тут же

свалился. Потом уже отказывался. Нет-нет, только не водку. Ох, как там пьют водку, пиво!

— *В период подготовки к съёмкам вы, конечно, читали киносценарий, а возможно, и сам роман. У вас, наверное, сложилось своё представление о тогдашней России? Действие романа разворачивается во время Гражданской войны.*

— О ней там до сих пор говорят. Я помню из шолоховского романа, что тогда казаки часто воевали друг против друга. В то же время утверждается, что казаки всегда побеждали. Как же всегда? Если одни побеждали, значит другие казаки терпели поражение? Об этом говорит мой Пантелей.

— *Случилось ли что-либо экстраординарное во время съёмок?*

— Я должен был промчаться на тройке лошадей по белоснежной степи. Снять сцену нужно было без дублей, с одного раза, так как после проезда снег становится грязным. А я никогда в жизни не правил тройкой. Установили три камеры. Это был очень ответственный момент. Мой сын ехал позади меня верхом, он хороший наездник, и он сказал мне, чтобы я сначала ехал на камеру, чуть вправо, а затем повернул бы коней чуть влево. Бондарчук, он был в шапке и шубе, потому что был мороз, скомандовал: «Давай!» Я хлестнул лошадей, повёл их вправо, а повернуть потом влево уже не смог и помчался прямо на камеру и людей. Все кинулись в стороны, я несусь во всю — трах, бах, тарарах! Но никто не пострадал, все успели отскочить.

— *У вас, наверное, много подобных историй?*

— Да, вот в репертуарном театре, где я играл в спектакле «Жизнь в театре», действие происходит за кулисами, в актёрской гримёрной. На сцене, что вровень со зрительным залом, стояли два стула — для меня и для моего партнёра. И вот как-то в зал вошла старушка лет семидесяти. Она опоздала и вошла незадолго до конца спектакля. Вошла, поискала глазами свободное место, увидела на сцене стул (сцена, повторяю, была без подмостков) и села. Села рядом с актёром, моим партнёром. А я в это время стоял за кулисами и подавал оттуда реплики. Вдруг я не слышу ответа на мои слова. На сцене молчание. Что случилось? Я выглянул и — о боже! Мой партнёр пытается втолковать старушке, что она должна освободить место, так как это сцена, на которой играют актёры. «Ни за что! — сказала она. — Это очень хорошее место, отсюда отлично видно». Он говорит: «Вы не поняли». — «А мне и не надо понимать, — отвечает она, — у меня абонемент». Тогда билетёр попросил кого-то из первого ряда уступить старушке ме-

сто, иначе спектакль не мог продолжаться. Человек уступил место, встал где-то сзади, и нам удалось закончить спектакль.

— *А теперь расскажите о самом грустном моменте вашей актёрской жизни.*

— Смерть близкого друга. Моя жизнь — это моя работа и мои друзья. Джералдин Пейдж была моим очень близким другом, она могла бы жить и жить, мы были прекрасными партнёрами на сцене, мы чувствовали друг друга. Тяжело было потерять её.

— *Вы сыграли в кино Сальери, которого считают убийцей Моцарта. Хотели бы вы сыграть политического злодея масштаба Сталина, Гитлера или более близких нам по времени Хомейни или Саддама Хуссейна?*

— Я играл Сталина в Париже. Сталин в последние дни его жизни. Я старался показать его как человека, дошедшего до крайней степени озлобленности, до бешенства, особенно перед смертью. А Гитлер — его сыграть очень трудно. Я бы не мог войти в образ человека, в котором не могу найти ни одной мало-мальски человеческой черты. Сыграть Гитлера — нет.

— *Чувствовали ли вы симпатию к Сальери?*

— О, конечно, он мне нравился!

— *Он, по-вашему, действительно убийца?*

— Я не думаю, что он убил Моцарта.

— *Но мог бы?*

— Мы все могли бы. Каждый из нас может убить. Сальери был большим филантропом, он помогал вдовам и детям музыкантов. Сальери был очень верующим человеком и уже считал себя убийцей оттого, что посмел просто подумать о таком. Это типично для христиан. Для Сальери подумать — почти то же самое, что сделать. Так родилось у него чувство вины. Да, ему не раз хотелось видеть этого молодого человека, Моцарта, мёртвым. Но дело не только в этом. Грандиозность трагедии Сальери в том, что он поднял руку против бога, против его творения. Здесь нечто огромное, масштаба греческой трагедии. Сальери — на грани помешательства, он хотел померяться силами с самим Создателем, не меньше. Да, мне нравится Сальери, он был крупной личностью. Я думаю, что если взять музыку Сальери и музыку Моцарта и исполнить вместе, то нелегко будет отличить одну от другой. Да, я так думаю.

— *Вы играли русских, итальянцев и даже евреев, как, например, в спектакле «Тойбеле и её демон».*

— Да, по Исааку Башевису-Зингеру. Исаак сам был немного демоном.

— Когда вы играли итальянца, еврея, русского, искали ли вы типично национальные черты своего персонажа?

— Я играл прежде всего человека, такого же, как я, но мне важны и его национальные черты. Когда я работал над Чеховым, я даже поехал на Брайтон-Бич, пошёл там в ресторан, поел, попил, посидел, послушал...

— И что, Брайтон помог вам понять Чехова?

— Это было моё первое знакомство с русскими. Они — как действующие вулканы, взрывные, как и мой народ. Я ведь наполовину итальянец. Итальянцы — огонь! Особенно южные.

— Фамилия вашей матери Калабресе. Вы говорите по-итальянски?

— Я много снимался в Италии.

— Вы когда-то играли Санта-Клауса в новогодних праздниках, устраивавшихся магазином «Мейсис». Как вы реагируете на то, что этот магазин не так давно был на грани банкротства и закрыл тогда многие свои отделения?

— Это серьёзный вопрос, и касается он меня лично. Это больно. Они дали мне сыграть мою первую роль. Для меня это всё равно, что потерять часть Нью-Йорка. А что последует за этим? Эмпайр-Стейт-билдинг, Статуя Свободы? Многие мои друзья покидают Нью-Йорк, здесь жить стало нелегко. Я много езжу по другим странам и по Америке, жил в Чикаго, в Сан-Франциско, в Цинциннати, в городах Техаса, Среднего Запада, но Нью-Йорк — единственный город, в котором я всегда хотел жить и могу жить. Чикаго — замечательный город, но актёру там просто не выжить, мало театров. Сан-Франциско — один из красивейших городов Америки, но там почти нет театров, в таком огромном городе. У меня ведь бывают и враги, потому что я говорю то, что чувствую, и если единственный в этом городе продюсер станет моим врагом, где мне тогда работать? Я ведь не из лизоблюдов. Нью-Йорк — вот мой город.

— У вас есть машина?

— Есть, потому что у меня ещё загородный дом. Я ведь хорошо зарабатываю. С тех пор как получил премию «Оскар», я стал делать деньги. Я не богач, но...

— А что значит для вас «богач»?

— Тот, кто делает миллионы. У меня нет миллионов. Богач — тот, кто может уже не работать и жить очень хорошо. А я должен работать. К счастью.

— Сколько вы получаете за роль в кино?

— Этого я вам не скажу. В репертуарном театре я получал всего двести долларов в неделю, после уплаты налогов мне оставалось сто двадцать пять. Но я играл не ради денег, а из любви к театру. Деньги же делаются в кино, поэтому я и снимаюсь. А теперь, извините, я должен идти к своим ученикам, у меня урок.

— *Тогда последний вопрос. Ваш метод работы со студентами основан на системе Станиславского?*

— Частично на системе Станиславского, но в основном на моей собственной системе, опирающейся на мой опыт. Хотя мне не нравится, во что превратил Фрейд женщину, но идея психоанализа изначально... Ведь слово «психо» означает «душа», об этом позабыли. Психоанализ — это поиск души, ты должен полностью проникнуть в душу своего пациента, чтобы затем суметь помочь ему. Это очень трудно, требует колоссального напряжения, умственного и эмоционального. Только великий актёр способен на такое. Он может войти в образ своего героя, отказавшись от себя, отключившись от своих проблем, он творит сиюминутно. При этом на сцене можно потерпеть и неудачу, но важнее сам поиск. И если открытие произошло прямо на сцене, на глазах у зрителей, то это редкое, потрясающее наслаждение, почти мистическое. Но это требует и громадной техники.

— *Значит, по-вашему, актёр — психолог?*

— Скорее, священнослужитель.

Таков Мюррей Абрахам, американский актёр, лауреат премии «Оскар», полученной за роль Сальери в фильме Милоша Формана «Амадеус».

Александр Сиротин-Лакман родился в Москве. Мать — Нехамма Сиротина — актриса московского еврейского театра (ГОСЕТ) под руководством Михоэлса. Отец — Фишель Лакман — выпускник театрального училища при ГОСЕТе, участник Второй мировой войны, инженер-экономист, окончивший Плехановский институт.

Александр окончил театральное училище имени Щукина — актёрский, затем режиссёрский факультеты, и Высшие режиссёрские курсы ГИТИСа. Ставил концертные программы, писал пьесы, сценарии, фельетоны, сатирические монологи, публиковался в московских газетах.

Эмигрировал в 1978 году. Сотрудничал с газетой «Новое русское слово», журналом «Вестник» и другими русскоязычными изданиями. Играл в нью-йоркском еврейском театре «Фолксбине». Снимался в художественных и документальных кинофильмах. Более тридцати лет работал на Радио «Свобода». Был ведущим на нью-йоркском русскоязычном радио «Горизонт», сотрудничал с радио WMNB, с телекомпаниями RTN, RTVI, NTV-America.

Постоянный автор и член редколлегии журнала «Чайка». Выпустил сборник юмористических рассказов «Москва — Нью-Йорк», книгу воспоминаний «Еврейский театр прощается... Но не уходит».

В этой книге собраны интервью с президентами и членами правительств, губернаторами и мэрами, политическими лидерами и политологами, писателями, актёрами, режиссёрами, драматургами, певцами, то есть с теми, кто влиял либо на судьбы, либо на умы, либо на чувства миллионов людей.

